

О СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ

В. К. ГОЛУБЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается возможность преобразования устойчивых сочетаний со структурой *имя прилагательное + имя существительное* в конструкцию *отвлеченное имя существительное + генитив*. В число устойчивых сочетаний включаются фразеологизмы (коллокации и идиомы) и двухсловные термины. Выявляется, сохраняется ли при такой трансформации идентичность референтной ситуации, которая обозначена исходным сочетанием. С учетом трансформационного потенциала исходных сочетаний выделяются нетрансформируемые и трансформируемые конструкции, а среди последних – трансформируемые коррелятивные (сохраняют смысловое соответствие исходному сочетанию) и трансформируемые некоррелятивные (формируют новое значение) сочетания. Исследуются формальные и семантические факторы, способствующие трансформации и препятствующие ей.

Ключевые слова: синтаксическая деривация; отвлеченное имя существительное; референт; идиома; коллокация; фразеологизм; терминологическое сочетание.

АБ СІНТАКСІЧНАЙ ДЭРЫВАЦЫІ Ў ВОБЛАСЦІ ЎСТОЙЛІВЫХ СПАЛУЧЭННЯЎ

В. К. ГОЛУБЕВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца магчымасць пераўтварэння ўстойлівых спалучэнняў са структурай *прыметнік + назоўнік* у канструкцыю *адцягнены назоўнік + генітыў*. Да ўстойлівых спалучэнняў адносяцца фразеалагізмы (калакацыі і ідыёмы) і двухслоўныя тэрміны. Выяўляецца, ці захоўваецца пры такой трансфармацыі ідэнтычнасць рэферэнтнай сітуацыі, якая пазначана зыходным спалучэннем. З улікам трансфармацыйнага патэнцыялу зыходных спалучэнняў выдзяляюцца нетрансфармуемыя і трансфармуемыя канструкцыі, а сярод апошніх – трансфармуемыя карэлятыўныя (захоўваюць сэнсавую адпаведнасць зыходнаму спалучэнню) і трансфармуемыя некарэлятыўныя (фарміруюць новае значэнне) спалучэнні. Даследуюцца фармальныя і семантычныя фактары, якія спрыяюць трансфармацыі і перашкаджаюць ёй.

Ключавыя словы: сінтаксічная дэрывацыя; адцягнены назоўнік; рэферэнт; ідыёма; калакацыя; фразеалагізм; тэрміналагічнае спалучэнне.

Голубева ВК. О синтаксической деривации в области устойчивых сочетаний. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2023;1:43–58.
<https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-43-58>

Golubeva VK. About syntactic derivation among stable word combination. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2023;1:43–58. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-43-58>

Виктория Константиновна Голубева – кандидат филологических наук; старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета.

Victoria K. Golubeva, PhD (philology); senior lecturer at the department of Russian language, faculty of philology.
v.k.golubeva9@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7597-4956>

ABOUT SYNTACTIC DERIVATION AMONG STABLE WORD COMBINATION

V. K. GOLUBEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article considers the possibility of transforming stable word combinations with structure *adjective + noun* into the construction *abstract noun + genitive*. Phraseologisms (collocations and idioms) and two-word terms are considered among stable combinations. It is revealed whether the identity of the referent situation, which is indicated by the original phrase, is preserved during such a transformation. Considering the transformational potential of the original phrases, non-transformable and transformable constructions are distinguished, and among the transformable ones, correlative (retain the semantic correspondence of the original construction) and non-correlative (form a new meaning). The formal and semantic factors preventing transformation and promoting it are investigated.

Keywords: syntactic derivation; abstract noun; referent; idiom; collocation; phraseologism; terminological combination.

Традиционно закрепившееся представление об отвлеченных именах существительных типа *заселение, открытость, кривизна* связано с феноменом синтаксической деривации, в соответствии с которым семантика мотивирующего глагола или имени прилагательного сохраняется в производном имени существительном, занимающем иную синтаксическую позицию. Некоторые исследователи определяют отвлеченные имена существительные как «производные слова, которые образованы с помощью продуктивных суффиксов и имеют формально обусловленную семантическую структуру» (БТСРЯ, с. 18). В свою очередь, Л. О. Чернейко подразумевает под ними имена существительные, которые «было бы логичнее рассматривать как формы соответствующих производящих, а не как самостоятельные слова» [1, с. 64]. Преобладание структурного аспекта в трактовке данного лексико-грамматического класса закономерно отразилось в лексикографической практике. При фиксации отвлеченных имен существительных используется в основном гнездовой метод. Для наиболее частотных лексем с развитой семантической структурой разрабатываются отдельные словарные статьи, однако многие отвлеченные имена существительные вовсе не включаются в лексикографические источники. С одной стороны, это подразумевает прозрачность семантики таких производных слов, а с другой стороны, актуализирует вопрос о нормативном статусе многих лексем: если подобные деадъективы не представлены в словаре, то они являются ненормативными, (еще) неузуальными или потенциальными в языке?

После публикации этапной работы Е. Куриловича [2] лингвисты продолжали исследовать феномен синтаксической деривации и не раз обращались к проблеме несовпадения систем значений отвлеченного имени существительного и систем значений его производящих слов, указывая на несовершенство лексикографических методов фиксации отглагольных и отадъективных номинаций. Результатом сложного поиска моделей, способных безоговорочно охватывать трансформационные отношения синтаксических дериватов с их производящими словами, стала необходимая индивидуализация подхода к интерпретации разных представителей данного лексико-грамматического класса. Без этого нельзя установить, как наследуется семантика деривата, какие семантико-синтаксические функции он может выполнять, а какие для него закрыты. Несмотря на то что ученые (П. Адамец [3], М. В. Всеволодова [4], Г. А. Золотова [5], Е. С. Кубрякова [6], Е. В. Падучева [7; 8], А. Г. Пазельская [9–11], С. Г. Татевосов [11], З. И. Резанова¹ и Р. И. Розина [12]) сделали немало интересных наблюдений об отвлеченных именах существительных (в основном об отглагольных), закономерностях их образования и специфике употребления, поведение этих слов остается во многом непредсказуемым.

Автор настоящей статьи концентрирует внимание на именах прилагательных, которые выступают в качестве производящих слов для отвлеченных имен существительных, в составе несвободных словосочетаний. По своей природе такие конструкции не всегда поддаются преобразованиям и (или) сохраняют исходное устойчивое значение.

Долгое время несвободные сочетания рассматривались в первую очередь в лексико-фразеологическом аспекте (скажем, по спаянности компонентов). С точки зрения грамматики они классифицировались,

¹Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования: русское производное имя : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. Томск, 1996. 40 с.

например, по морфологической принадлежности главного слова, а также по соотносительности фразеологизмов с частями речи и их способности выступать в качестве определенного члена предложения. Вместе с тем такие конструкции характеризуются не только по критериям устойчивости, идиоматичности, но и по возможности варьироваться. Стоит отметить, что под варьированностью не следует понимать только лексическую мену компонента фразеологизма (*вынести на себе* – *вынести на своих плечах*, *выскочить из памяти* – *выскочить из головы*). Не менее важно исследовать способность устойчивых сочетаний подвергаться пассивизации, модифицировать видовую характеристику глагола (возможны грамматические варианты фразеологизма *втоптать (втаптывать) в грязь*, однако чаще он употребляется с глаголом совершенного вида [13]), допускать при себе отрицание (*в отцы годиться* – **в отцы не годиться*, *в сорочке родиться* – **в сорочке не родиться*, *вешать лапшу на уши* – *не вешай мне лапшу на уши* [14, с. 293]).

А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский отмечают, что вопрос о трансформации фразеологизмов находится лишь на начальном этапе исследования [14]. Вместе с тем трансформационный потенциал – одна из ключевых характеристик единицы фразеологического словаря, претендующего на полноту описания материала. Важность этого параметра вызвана тем, что он идентифицирует способность фразеологической единицы встраиваться в разные контексты – предложения, различающиеся по своей структуре, модальной характеристике, временным планам и т. д. Так, например, в отличие от предложения *Чтоб руки мне тут не распускал!* предложение **Чтоб грех на душу мне тут на себя не брал!* является ненормативным [14, с. 304].

Поскольку в рамках настоящей статьи интерес представляют трансформационные отношения отвлеченных имен существительных и мотивирующих их имен прилагательных, в качестве исходного объекта исследования были выбраны устойчивые сочетания типа *имя прилагательное + имя существительное*. Использование трансформационного метода чаще всего предполагает преобразование этой структуры в конструкцию типа *отвлеченное имя существительное + генитив* (*всемирный потоп* – *всемирность потоп*). Кроме того, были проанализированы случаи, когда генитив заменяется на грамматически эквивалентную форму притяжательного местоимения, носитель признака выражается иной падежной формой без дублирования в форме генитива, носитель признака эксплицируется иными средствами контекста.

Важно, что синтаксическая гибкость исходной адъективно-субстантивной конструкции позволяет передавать аналогичный смысл при тех предикатах, которые требуют выражения актанта отвлеченным, а не предметным именем существительным, как в соответствующем сочетании с именем прилагательным (*на платформе ждали обреченные люди* – *предсказал обреченность людей* – **предсказал обреченных людей*). Кроме того, по своей природе деадъектив выражает признак в виде отдельной, предметной сущности, т. е. более выпукло по сравнению с соответствующим именем прилагательным. В связи с этим в случае коммуникативной необходимости трансформация, в отличие от использования нейтрального синонимического средства, позволяет акцентировать признак и при этом сохранить экспрессивность исходной фразеологической единицы.

Цели настоящей статьи – установление трансформационного потенциала устойчивых сочетаний в направлении *имя прилагательное* → *деадъектив*, а также выяснение того, сохраняется ли при таком преобразовании идентичность референтной ситуации, обозначенной исходным сочетанием.

С учетом дискуссионности вопроса о границах понятия «устойчивое сочетание» следует отметить, что в рамках данного исследования в качестве единиц анализа выступили фразеологизмы (идиомы и коллокации) и двухсловные термины (они также не лишены признаков идиоматичности [14, с. 38]) адъективно-субстантивной структуры, которые были выбраны из специализированных (фразеологические словари и терминологические справочники) и общеязыковых (толковые словари русского языка) источников² (БТСРЯ, ФОСРЯ). Соответствующие исходным сочетаниям трансформы с деадъективами извлекались из текстов художественного, публицистического, научного, научно-технического и разговорного стилей. Поиск осуществлялся в различных подкорпусах Национального корпуса русского языка, научных статьях, книгах, диссертациях и авторефератах (в том числе с использованием систем *Google Scholar*, *Google Books*), а также в интернет-версиях средств массовой информации. В некоторых случаях примеры моделировались автором статьи.

В ходе исследования термины и фразеологические обороты были распределены на нетрансформируемые и трансформируемые конструкции, причем последние были разделены на трансформируемые коррелятивные сочетания, в которых сохраняется смысловое соответствие исходной устойчивой конструкции, и трансформируемые некоррелятивные сочетания, в которых формируется новое значение.

²Борисова Е. Г. Слово в тексте. Словарь коллокаций (устойчивых сочетаний) русского языка с англо-русским словарем ключевых слов. М. : Филология, 1995. 149 с. ; Немченко В. Н. Грамматическая терминология: словарь-справочник. М. : Флинта, 2011. 585 с. ; Новый политехнический словарь / под ред. А. Ю. Ишлинского. М. : Большая рос. энцикл., 2000. 671 с.

Замечание о «капризе трансформации номинации», сделанное Е. В. Падучевой в отношении отглагольных субстантивов [7, с. 329], оказывается в полной мере релевантным для характеристики соотношения *имя прилагательное как компонент устойчивой конструкции – отадъективное имя существительное*. При рассмотрении ограничений на трансформацию несвободных словосочетаний следует говорить о комплексе факторов, препятствующих данным преобразованиям. Автор настоящей статьи условно выделяет формальные (структурные) и семантические ограничения, при этом последние рассматриваются как в группе фразеологических единиц, так и в группе терминов.

Независимо от того, какой тип несвободного сочетания подвергается трансформации (фразеологизм или термин), отсутствие в языковой системе или узусе деадъектива как конструктивной единицы устойчивого сочетания служит прямым ограничением для синтаксического преобразования, даже если в потенциальном отвлеченном имени существительном могут актуализироваться качественные семы, т. е. признак соответствует прототипическому значению деадъектива (*двойная бухгалтерия, правая рука, подкидной дурак, больной вопрос, голова садовая, отец родной, задняя мысль*).

Выделяется ряд формально-грамматических групп имен прилагательных, у которых независимо от того, сохраняют ли они первичную семантику или закрепляются в составе фразеологизма либо термина в ином значении, нет соотносительных отвлеченных имен существительных ввиду специфики их структуры. Так, даже те притяжательные имена прилагательные, которые утратили сему притяжательности, формально не приспособлены выступать в качестве производящих слов для имен существительных (*медвежья услуга, львиная доля, львиный зев, анютины глазки, сизифов труд, танталовы муки, прокрустово ложе, эзопов язык, ахиллесова пята*).

Абстрактные имена существительные очень редко образуются от следующих слов:

- от лексем, которые оканчиваются на *-ский* (*бальзаковский возраст, кристаллическая решетка, гипертонический раствор* (но *гипертоничность раствора – гипертоничный раствор*));
- от адъективов с суффиксами субъективной оценки или с историческим суффиксом сравнительной степени (*богатенький Буратино, старший офицер, младший лейтенант*);
- от имен прилагательных, перешедших из разряда причастий (в том числе исторически) (*пропадающая душа, ходячий анекдот, трескучий мороз, падающий ангел, горячая точка, блуждающая почка, потерпевшая сторона*).

Формальные ограничения возникают также в тех случаях, когда потенциальный деадъектив омонимичен иному имени существительному с уже устоявшейся семантикой: *наружное лекарство – *наружность лекарства, внешний угол треугольника – *внешность угла треугольника, внешний рынок – *внешность рынка, жидкие кристаллы – *жидкость кристаллов, пряные растения – *пряность растений, полая вода – *полость воды, прямая речь – *прямота (прямизна) речи, нервная система – *нервность системы, недвижимое имущество – *недвижимость имущества, жалобная книга – *жалобность книги* (имя прилагательное *жалобный* связано со словом *жалоба*, а не со словом *жалобность*), *красная девица – *краснота девицы* (в процессе развития языка произошло сужение значения имени прилагательного *красный*, которое больше не употребляется в значении ‘красивый’; возможно выражение *краса девицы*), *великие географические открытия – *великость географических открытий, великое сопротивление – *великость сопротивления* (*великость* ‘книжн. Важность, значительность’ (БТСРЯ)) и др.

Вместе с тем анализ текстов разной функционально-стилистической направленности показывает, что при коммуникативной необходимости носители языка преодолевают указанные ограничения, употребляя деадъективы в несвойственных им значениях и создавая новые лексемы. Как отмечалось, многие отвлеченные имена существительные не всегда последовательно фиксируются в словарях. Эти потенциальные слова, еще не ставшие узуальными, актуализируются в речи, когда семантика и синтаксическая позиция требуют выдвижения признака имени прилагательного на первый план посредством его оформления в виде деадъектива.

В силу этого, если рассматривать трансформационный потенциал имен прилагательных вне параметров нормативности и узуальности, обнаруживается, что для актуализации признака становится возможным практически любое преобразование, например создание деадъектива *ромовость* в качестве трансформации имени прилагательного в словосочетании *ромовая баба* (1).

(1) *Помните, эту бабу, в школьном буфете, за целых 19 копеек? <...> В первую очередь обкусывалась самая сухая нижняя часть, а верхняя, где вся ромовость сосредоточена, оставлялась напоследок* (РБ).

Как видно, для выражения семантики ‘пропитанность булки ромом’ говорящий предпочитает употребить неузуальную лексему, а не описательно выразить признак с помощью синонимических языковых средств.

Подобные окказиональные преобразования становятся одним из маркеров идиоматичной (в широком смысле) речи, предполагающей осложненность способа выражения содержания (не в смысле максимального усложнения языковых форм, а с точки зрения концентрированности выражения и нетривиальности понимания заложенного в фразу смысла). Идиоматичность речи часто приводит к большей синтаксической простоте высказывания при большей семантической нагруженности его компонентов (2–5) [14, с. 28].

(2) *Передать то, что собирался, Орес забыл. Сказались молодость и сильная **садовость** головы* (Приключения).

(3) *Ндаа, **садовость** моей головы не знает пределов! Сегодня у двух хороших людей день рождения, а я об этом напрочь забыл. Итак...* (Приключения).

(4) *Григорий Григорыч сын Постников, отец Иринушки, к сожалению, проявил бесстыдную **подколотность**. Началась эта **подколотность** издавна* (Иванов).

(5) *Во мне ведь коварства нет, так, легкая **подколотность*** (НКРЯ; Ерофеев В. Из записных книжек. 1958–1990).

Так, в примерах (2–3) вместо нейтральных номинаций *рассеянность, невнимательность, несообразительность* говорящие предпочитают употребить окказиональный трансформ *садовость*, который обеспечивает более нетривиальный способ выражения желаемой семантики. Между тем в примерах (4–5) деадъектив явно отсылает к фразеологизму *подколотная змея* и за счет корреляции с ним сжато и емко характеризует лицо.

В разговорной речи и в рамках неофициальной коммуникации деадъективы могут возникать даже от притяжательных по происхождению имен прилагательных (6–8).

(6) *Если Вам не нравится его «**маменькиность**», зачем начали с ним жить?* (ЖМС).

(7) *Если учитывать **маменькиность** бывшего – то браку наступил конец, через месяц уже* (ЕРМ).

(8) – *Не ходите замуж за маменькиных сынков.*

– *...Кстати, я до сих пор не могу понять в чем его **маменькиность**? Мужик строит дачу для вашей семьи. Помогайте ему, если принципиально хотите быть с ним рядом* (МС).

При характеристике семантического фактора и описании связанных с ним ограничений на преобразования в первую очередь важно отметить специфику имен прилагательных, служащих основой для трансформаций. Как известно, в языковой системе способность образовывать отвлеченные имена существительные служит маркером прежде всего качественных имен прилагательных. Многие адъективы, которые представляют собой компоненты устойчивых конструкций (лексемы *мягкий, стойкий, тяжелый, краткий, быстрый* и др.), по своей первичной функции являются качественными и, значит, потенциально открытыми для образования отвлеченных имен существительных. Но в изначально качественном имени прилагательном, которое входит в состав несвободных сочетаний типа *твердый знак, быстрые углеводы, прямой угол*, происходят лексико-грамматические сдвиги. Ученые отмечают, что такие адъективы тяготеют к разряду относительных имен прилагательных, при этом некоторые исследователи уточняют, что вернее говорить не о приобретении именем прилагательным значения отношения, а о семантической специализации лексем и убывании у них проявлений качественности [15, с. 183].

Однако, как показывает языковой материал, не только принадлежность лексемы к относительным именам прилагательным выступает препятствием для ее трансформации в отвлеченное имя существительное. Относительные имена прилагательные могут становиться синтаксическими дериватами, что отчетливее всего проявляется в терминологической сфере (9–10).

(9) *В диссертации подчеркивается, что **документальность фильма** оказывается явлением эстетически более емким, нежели фиксация «потока действительности»* (Андреев).

(10) *В стихотворении Д. Кудрявцева «Упражнения в женской рифме» обыгрывается... понятие «женской рифмы»... Однако на деле «**женскость**» **рифмы** во многих позициях нарушается* (Фатеева).

Так, в примере (9) имя прилагательное в устойчивом словосочетании *документальный фильм* реализует не значение ‘представляющий собой документ, являющийся документом; основанный на документах’ (БТСРЯ), а значение ‘показывающий подлинные факты, события’ (БТСРЯ).

Семантическое несоответствие мотивирующего имени прилагательного и имени качества возникает, потому что последнее образуется от адъектива в его первичных, а не вторичных значениях. В связи с этим оно утрачивает способность выступать коррелятом терминологического или фразеологического имени прилагательного, выполняет другие функции в тексте.

Выделяются трансформируемые коррелятивные, трансформируемые некоррелятивные и не-трансформируемые сочетания.

Под трансформируемыми коррелятивными сочетаниями подразумеваются соотносимые конструкции, в которых имя прилагательное и деадъектив связаны отношениями синтаксической деривации в исходном понимании этого явления. Так, удобство и компактность номинаций, их свойство занимать синтаксические позиции, закрытые для исходных адъективно-субстантивных именных групп, а также способность выпукло представлять не объект и его признак, а один из признаков объекта обуславливают трансформации типа *правильная дробь – правильность дроби, биквадратное уравнение – биквадратность уравнения, краткий гласный – краткость гласного, стертая метафора – стертость метафоры, конкретное существительное – конкретность существительного, беглые гласные – беглость гласных* (11–16).

(11) *Setälä относил все это к общеугрофинскому праязыку в его целом, ссылаясь на то, что спорадически подобные колебания согласных (но независимо от закрытости или открытости второго слога!) попадают в мадярском и (один раз!) в зырянском* (НКРЯ; Трубецкой Н. С. Письма Р. О. Якобсону. 1920–1938).

(12) *Существует ли правильный треугольник на координатной плоскости, вершины которого имеют целые координаты? <...> Заметим, что **правильность треугольника** не использовалась* (СО).

(13) ***Стертость метафоры** с модельной точки зрения определяется употребительностью метафорической модели* (Баранов).

(14) ***Конкретность существительного hand**, обусловленная наблюдаемостью движения руки как одной из самых активных и многофункциональных частей тела человека, проявляется и в образованных от него глаголах* (Чупина).

(15) *Изобретение позволяет правильно учитывать **бинокулярность зрения** при имитации близко расположенных объектов* (ПП).

(16) *Во-вторых, это же явление можно оценивать как вовлечение в сферу действия причастных форм, иначе говоря, использование кратких страдательных причастий для заполнения пустующей «клетки» морфологической **страдательности** в парадигме личных **форм глагола*** (Хоссейни).

В прототипическом случае характер предиката в таких высказываниях требует заполнения актантной позиции либо именной группой с отвлеченным именем существительным, либо сентенциальным актантом с показателями *что; то, что* или аналогичными средствами (*На то, что метафора является стертой, указывает...; То, является ли метафора стертой, определяется...*). Во многих случаях свернутость номинации выступает в качестве ее важного преимущества в научных и научно-технических текстах, в которых высказывания могут быть осложнены разного рода уточнениями и пояснениями, а также в научно-популярном и учебном дискурсе (17).

(17) *Здесь уже, конечно, совпадение точек *P* и *G* означает **правильность треугольника*** (Математика).

Так, в примере (17), как и в примере (12), выделенное выражение имеет значение ‘то, что треугольник правильный’, а не значение ‘правильный треугольник’.

Вместе с тем компактность выражения актанта влечет за собой неэксплицированность некоторых смысловых компонентов и, как результат, множественность интерпретации высказывания (18).

(18) *Есть некоторые признаки, по которым можно определить **правильность глагола*** (УБ).

Действительно, пример (18) может быть интерпретирован по-разному (*Есть некоторые признаки, по которым можно определить, что этот глагол правильный; Есть некоторые признаки, по которым можно определить, правильный или неправильный это глагол*). Последний вариант трактовки демонстрирует появление в номинации семантического приращения ‘параметр, шкала признака’, отсутствующего в смысловой структуре качественного имени прилагательного *правильный*. Этот тип преобразований, выходящий за рамки отношений чистой синтаксической деривации, рассматривается далее.

В зависимости от причин некоррелятивности выделяются два подтипа трансформируемых некоррелятивных сочетаний. В первом случае по сравнению с именем прилагательным, выражающим конкретное значение признака (‘выше нормы’), деадъектив приобретает семантическое приращение ‘параметр, шкала этого признака’. Этот тип трансформации косвенно упоминают авторы академического издания «Русская грамматика» в связи с описанием словообразовательных значений отвлеченных имен существительных: «Многие слова этого типа имеют также более общее значение ‘признак, проявляющийся в различной степени и поддающийся измерению’: *скорость, влажность, жирность, рентабельность*,

газоносность, засоренность, результативность, сорность» [16, с. 178]. О такого рода преобразованиях лингвисты писали и применительно к лексике определенных тематических групп. Например, М. В. Ташлыкова исследовала параметрические имена существительные вроде *глубина, высота, длина* [17, с. 82–162].

Что касается терминологических единиц, то здесь перенос такого типа весьма распространен (например, *твердые сыры – твердость сыров, твердая валюта – твердость валюты, глубокая рифма – глубина рифмы, воспламеняемые материалы – воспламеняемость материалов*). Грамматическая перестройка коллокаций влечет за собой семантические сдвиги. Если сочетания с именами прилагательными *сладкие вина, сухие вина*³ являются референтными, т. е. идентифицируют совершенно определенный вид объектов с устойчивыми, заданными параметрами, то в сочетаниях вроде *сладость вин* выражается критерий, по которому могут варьироваться различные виды данного типа объектов (в разной степени обладающие названным признаком).

Во внутренней форме номинации может быть заложен адъективный признак, ориентирующий на конкретную точку (отрезок признаковой шкалы): *сладкое вино – сладость вина, сухое вино – *сухость вина, полусухое вино – *полусухость вина, полусладкое вино – *полусладость вина*⁴; *длинные волны – длина волны, ультракороткие волны – *ультракороткость волны, короткие волны – *короткость волны, средние волны – *среднестель волны, сверхдлинные волны – *сверхдлина волны*. Кроме того, деадъективы могут мотивироваться связанными опорными компонентами сложных имен прилагательных: *-валентный (двухвалентный марганец, трехвалентный хром) – валентность, -рядный (однорядное остекление, двухрядный магазин, широкорядный посев) – рядность* [16, с. 178].

Нередко встречаются названия признака (критерия для описания исследуемых объектов), имеющие составной характер, т. е. формирующиеся оппозицией двух соположенных номинаций, которые образуются от соответствующих имен прилагательных с антонимичными значениями (*долгий гласный – долгота гласных, краткий гласный – краткость гласных; глухой звук – глухость звуков, звонкий звук – звонкость звуков; сильная позиция – сила позиции, слабая позиция – слабость позиции; полная форма имен прилагательных – полнота формы имен прилагательных, краткая форма имен прилагательных – краткость формы имен прилагательных; твердый согласный – твердость согласных, мягкий согласный – мягкость согласных; открытый слог – открытость слога, закрытый слог – закрытость слога*).

Отличие от мотивирующего имени прилагательного деадъектив приобретает способность выражать и значение 'шкала признака', и значение 'высокая степень проявления признака по этой шкале', что дифференцируется контекстуально, по типу предиката, актантную позицию которого занимает деадъективное сочетание. Так, сочетание *твердая валюта* выражает значение высокой степени проявления признака ('валюта, которая может быть беспрепятственно обменена на другую валюту' (БТСРЯ)), тогда как сочетание *твердость валюты* – значение шкалы признака ('параметр, по которому оценивается, насколько беспрепятственно валюта может быть обменена на другую валюту') (19) и значение высокой степени проявления признака ('способность валюты беспрепятственно обмениваться на другую валюту') (20).

(19) *Твердость валюты находится в прямой зависимости от экономического потенциала страны, масштабов ее внешнеэкономической деятельности, устойчивости внутреннего денежного обращения, степени развития национальных товарных и денежных рынков и рынков капитала* (ЭГУ).

(20) *Главный признак твердости валюты – выход ее на мировые валютные биржи, а это, увы, дело далекого будущего* (НКРЯ; Алексеев В. Не зовите его «деревянным». Труд. 2002. 2 окт.).

Во втором случае сочетание трансформируется, но утрачивает терминологический характер. Как уже отмечалось, в составе термина происходит перестройка семантической структуры имени прилагательного. У него ослабевают качественные семы и актуализируются относительные семы. Поскольку отвлеченное имя существительное, как правило, образуется от адъективов в их первичных, а не вторичных значениях, оно не вступает с именем прилагательным в отношения синтаксической деривации (21–23).

(21) *Дворец Екатерины Павловны был превращен в своего рода клуб литературы и изящных искусств* (НКРЯ; Паустовский К. Орест Кипренский. 1936).

³Некоторые сочетания из числа тех, которые рассматриваются в этом контексте, уже вышли за пределы специальной речи, превратились в общеупотребительные (*твердый сыр, сухие вина* и др.), поэтому их можно квалифицировать как коллокации – разновидность фразеологизмов.

⁴Хотя для дифференциации сортов вин используется признак «сладость вина», параметр «сухость вина», отражающий по сути ту же характеристику, только с другой стороны шкалы, встречается в единичных случаях и пока носит скорее окказиональный или узкоспециальный характер: *Именно они [танины] и отвечают за терпкость и «сухость» вина* (ВТ). Кавычки маркируют неосвоенность языком данного сочетания.

(22) В водно-этанольных экстрактах травы **василька синего** могут присутствовать органические вещества (Подололина).

(23) Гусеницы развиваются на... культивируемых **резеде душистой** (*Reseda odorata* L.) и большой настурции (*Tropaeolum majus* L.) (Миронов).

В примерах (21–23) имена прилагательные называют определенный класс искусств, вид растения. Соответствующие номинации *изящество*, *синь* (*синевая*), *душистость* наследуют как раз исходное, качественное значение имен прилагательных, выступают не классифицирующим и идентифицирующим, а оценочно-квалифицирующим средством (24–26).

(24) *Легкость, изящество искусства* музыки, *небольшая звуковая насыщенность, отсутствие резкого контраста тем, ограниченный масштаб* – отличительные черты многих фортепианных сонат Гайдна (Гончарук).

(25) Скудная, ржаво-коричневая от недавних ливней рожь шелестела под ветром; резкая **синева василька** подчеркивала сиротскую скудость ее облика (Голубков).

(26) Поэтому горькая сладость роз, сладкое благовонье апельсиновых цветов, нежный запах фиалки и **душистость резеды** сопутствуют у Фета ситуациям и отношениям, не сводимым исключительно к любовному контексту (Шарафадина).

Грамматические преобразования ведут к потере узнаваемости сочетания как специального и обеспечивают перекодировку его устоявшегося денотативного содержания. Так, в противовес объективированному условно-терминологическому свойству, фиксируемому именем прилагательным, номинация выражает один из актуальных в конкретном времени и пространстве признаков, субъективно воспринимаемое качество. Как и в преобразованиях предшествующего типа (*длинная волна* – *длина волны*), в таких деадъективных конструкциях явления представлены недифференцированно (в примерах (24–26) речь идет об искусстве, васильке и резеде вообще). Однако в данном случае грамматическая трансформация сопровождается сменой дискурса, в котором синтаксический трансформ оказывается востребованным. Сам характер приведенных контекстов и направленность описания объекта, оказавшегося в фокусе внимания, свидетельствуют о том, что в сфере употребления данных сочетаний требуется точность и детализированность иного плана.

Как было показано, принадлежность лексемы к классу относительных имен прилагательных не препятствует ее трансформации в деадъектив, особенно в терминологической сфере. Вопрос о характере признака, который приспособлен и который не приспособлен для того, чтобы быть выраженным в форме отвлеченного имени существительного, остается открытым. Способность к преобразованиям (в том числе к неузальным) проявляют прежде всего те адъективы, которые выражают значения качества, оценки и признака, формирующего шкалу для сопоставления разных объектов. Вместе с тем невозможность трансформации одних деадъективов и способность к преобразованию других, аналогичных деадъективов пока можно объяснить лишь отсутствием коммуникативной потребности в выдвижении признака посредством деадъектива и, следовательно, тем, что в узусе еще не сложилась база контекстов, фиксирующих трансформацию: *углекислый газ, плоскостная живопись, перестойные травы, полууставное письмо, перекрестный вопрос, сверхтвердый материал, сверхтекучий жидкий гелий, острозаразная болезнь* (как уже говорилось, шкала признака чаще формируется не по верхним, а по средним точкам континуума: *твердость, текучесть, заразность*). Однако с появлением такой потребности деадъективы могут постепенно входить в употребление и закрепляться в узусе (27–30).

(27) Первоначально наше внутреннее законодательство определяло субъект особой государственной поддержки исходя из функциональных соображений не через признак **коренности** (так как все население Российской Федерации рассматривается как коренное), а через критерий численности (Жуков).

(28) Герой получает европейское образование – один из мотивов, определяющий его «**лишность**» в России (Федосеенко).

(29) «**Лишность**» героя подчеркнута: датчанин приезжает учиться в Париж, где снимает комнатушку, и он последний представитель знатного рода (Григорян).

(30) Аллюзии и отсылки к героям и произведениям предшествующих эпох несут определенную функцию: они призваны подчеркнуть «**лишность**» героя, актуализировать тип мышления и мировосприятия «**лишнего человека**» (Григорян).

В примерах (28–30) показательна вариативность суффиксальной морфемы, служащей для образования деадъектива (*лишность* и *лишнесть*).

Не происходит трансформация и в том случае, если она ведет к смене референта исходной номинации, имеющей образную основу. Так, выражение *мучнистый картофель* ‘содержащий много крахмала’ (БТСРЯ) можно преобразовать в выражение *мучнистость картофеля* (‘показатель того, насколько высокое содержание крахмала у картофеля’ или ‘высокий показатель качества *мучнистый*’), тогда как сочетания *мучнистая роса* ‘болезнь растений, при которой на них появляется белый налет’ (БТСРЯ), *солнечное сплетение* ‘совокупность нервных узлов, расположенных в брюшной полости вокруг начала артерий’ (БТСРЯ) трансформировать в сочетания **мучнистость росы*, **солнечность сплетения* нельзя. Поскольку образность в большей степени является признаком фразеологических единиц и во многом предопределяет характер их трансформаций, специфика таких преобразований подробнее рассматривается далее.

На способность конструкции трансформироваться не в малой степени влияет тип фразеологизма (идиомы, коллокации, пословицы, грамматические фразеологизмы, синтаксические фразеологизмы) [14, с. 66]. Поскольку структуре адъективных и деадъективных словосочетаний соответствуют в первую очередь идиомы и коллокации, в данной статье трансформационному анализу подвергались именно они. Среди отобранных фразеологизмов были выделены выражения, устойчивость и идиоматичность которых вызвана переосмыслением или метафоризацией одного или обоих компонентов конструкции, а также другими причинами.

Так, были отобраны коллокации с уникальным компонентом в составе именем прилагательным, употребляющимся только в сочетании с данным именем существительным (4–5, 31–35).

(31) Почему 2020 год такой сложный, или Разбор мифа про **высокосность** (П2020).

(32) Впрочем, вне зависимости от «**высокосности**» года прогноз ввода в строй домов был предсказуем несколько месяцев назад (НКРЯ; Грекова О. Кризис продолжается: покупателям новостроек снова придется подождать. Московский комсомолец. 2017. 6 февр.).

(33) Вот и начался новый, 1964 год. <...> Несмотря на его «**высокосность**», будем надеяться, что все будет хорошо (НКРЯ; Шелест П. Дневник. 1964).

(34) В «Учении», например... отмечается **высокосность года** и указывается дата пасхального полнолуния (ГДЛ).

(35) «**Закадычность**» еще одна очень характерная черта всего творчества Ерофеева (Лесин).

Поскольку имя прилагательное имеет ограниченную сочетаемость (и, значит, лишено семантической двусмысленности), при отсутствии формально-структурных ограничений оно способно трансформироваться. Стоит отметить, что подобные трансформы различаются по степени узуальности. Скажем, лексема *высокосность* тяготеет к узусу больше, чем слова *закадычность* и *подколотность*, а приведенная в примерах (2–3) лексема *садовость* явно является окказиональной.

Кроме того, были проанализированы коллокации, в составе которых приписываемый признак относится к объекту опосредованно. Данные конструкции, как правило, являются нетрансформируемыми. Так, если в случаях типа *сладкий перец* и *душистый горошек* признак прямо характеризует предмет, названный субстантивом, то в конструкциях вроде *мягкий знак*, *твердый знак*, *белый человек*, *легкая промышленность*, *легкая атлетика*, *черная металлургия*, *желтая раса* механизм приписывания признака объекту носит несколько иной характер и требует более детального лексико-семантического анализа.

При выявлении семантической мотивировки таких сочетаний оказывается, что они создаются в результате семантико-синтаксической свертки, а некоторые из них обнаруживают непрозрачность внутренней формы. Дело в том, что в таких случаях адъективный признак относится не к названному грамматически главным именем существительным объекту, а к иному, имплицированному в свертке смежному объекту, посредством которого раскрывается семантика эксплицитного субстантива. Например, при помощи устойчивых сочетаний *мягкий знак*, *твердый знак* называются знаки, которые используются для графического обозначения твердости (в дореформенной письменности) или мягкости согласного, обозначенного предшествующей буквой⁵. Мягкость и твердость являются характеристиками не буквы, а звука, для графического маркирования которого предназначен данный письменный знак. Специфика же деадъективов состоит в том, что они, как правило, обозначают признак его непосредственного носителя, выраженного подчиненным ему генитивом. Ввиду этого, например, нормальным и употребительным является выражение *твердость (мягкость) звука*, но не выражение **твердость (мягкость) знака*.

Интересны в исследуемом аспекте и устойчивые выражения *легкая атлетика* и *легкая промышленность*. В дефинициях современных толковых словарей⁶ (БТСРЯ) отсутствует указание на признак,

⁵После реформы орфографии 1918 г. термин «твердый знак» стал еще более условным названием.

⁶Большой академический словарь русского языка / под ред. К. С. Горбачевича, А. С. Герда. М.: Наука, 2004–2021. 27 т.; Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. М.: АСТ, 2006. 3 т.; Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В. В. Морковкина. М.: АСТ, 2016. 1456 с.

легший в основу данных номинаций. Между тем Я. В. Поляничко определяет легкую атлетику как вид спорта, основу которого составляют естественные движения человека (в том числе ходьба, бег, прыжки в длину и высоту, метание копья, диска, молота, толкание ядра и т. п.) и который не предполагает подъем тяжестей, а под легкой промышленностью подразумевает обрабатывающую промышленность, изготавливающую предметы широкого потребления (в том числе одежду, обувь, головные уборы и т. п.) и не использующую тяжелое оборудование. Лингвист замечает, что данные устойчивые сочетания обычно толкуются с опорой на семантику антонимичного адъектива *тяжелый* [18, с. 15]. На контрасте с семей 'имеющий большой вес', которая содержится в семантической структуре имени прилагательного *тяжелый*, возникает смысловой компонент 'имеющий незначительный вес', представленный в семантической структуре адъектива *легкий* и мотивирующий использование этой лексемы в устойчивом сочетании. Итак, признак «легкий» («легкость»), прямо характеризующий такие объекты, как снаряды и оборудование, по их весу, лишь опосредованно относится к субстантивам *атлетика*, *промышленность*, т. е. сами эти объекты по весу не характеризуются. Это блокирует преобразование исходных, субстантивно-адъективных сочетаний в выражения **легкость атлетики*, **легкость промышленности*, в которых имя качества указывало бы на свойство зависимого генитива. То же относится к следующим примерам: *белый человек* 'принадлежащий к европеоидной расе; светлокожий' (БТСРЯ) – **белизна человека*, *желтая раса* 'о монголоидной расе' (БТСРЯ) – **желтизна расы*, *черная металлургия*⁷ – **чернота металлургии*.

Наконец, были исследованы идиомы и коллокации с переосмысленными или семантически осложненными компонентами в составе и выделены их типы. К первому типу относятся выражения, в которых имя существительное сохраняет словарное значение, а имя прилагательное переосмысливается или осложняется дополнительными семами, отсутствующими в словарной дефиниции: *жестокый романс* – **жестокость ромansa* (36), *святая вода* – *святость воды* (37–38), *глухая пора* – *глухость (глухота) поры* (39–40), *луженое горло (глотка)* – *луженость горла (глотки)* (41–42), *тонкая усмешка* – *тонкость усмешки* (43–44), *белое мясо* – *белизна мяса* (45), *черная икра* – *чернота икры* (46), *красная игра* – *краснота икры* (47), *зеленый (черный) чай* – **зелень (чернота) чая*.

(36) Но тональность стихотворения заметно отличается от романсной – в нем нет надрыва и острой драматичности. Есенин не следует слепо канону жанра, а смягчает диктуемую мотивной структурой «жестокость» ромansa стилистическими средствами традиционной народной поэзии, ее символами и образами (Чернова).

(37) Здесь чувствуется, однако, и некая остаточная вера в *святость воды*, извлекаемой из Темзы (Акройд).

(38) Люди устремятся туда с раннего утра, чтобы запастись святой водой. <...> *Святость воды* определяется правильностью ее освящения (Медведева).

(39) Ваши «Тяжелые сны» вызвали слишком много порицаний, и гг. критики набросились на роман, кажется, главным образом вследствие *глухости* нынешней литературной *поры* и недостатка предметов для хлестких разборов (Сологуб).

(40) Ни в *глухоте* ночной *поры*, / Ни в вечности бездонном чане, / Ни там, где чуждые миры, / Нет абсолютного молчанья (Шумилова).

(41) – Но-но! Шо расишумелась-то? В Цэка она напишет... Да хоть в зацэка пиши!

– И напишу! – Серафима уже давно не была молодым специалистом, в должности наторела и, если по делу, *луженость глотки* умела начальству демонстрировать (Шишкин).

(42) [Во время поездки в Венгрию] хозяева предлагают всем желающим проверить, так сказать, «*луженость*» своей *глотки*. Открываешь рот, задираешь голову, а хозяин из специальной дегустационной поилки льет тебе в рот вино (СС).

(43) Но изумительнее всего *тонкость усмешки* императора – художник изобразил ее с необычайным искусством... усмешка, ласковая для верноподданных, но сулящая беду неверным (Осоргин).

(44) ...Видишь примиряющую улыбку умирающего Феди Протасова, в предсмертных словах которого тонут слезы скорби в *тонкости* юмористической *усмешки* (Мастера).

(45) Показатель готовности уха – легкое отстаивание мяса рыбы от костей, а показатель хорошего качества – прозрачность бульона, его тонкий аромат, *белизна мяса* рыбы (ГР).

(46) Уже упомянутый Охотный Ряд с блеском рыб, с *чернотой икры*, с рыже-розовой семгой... (Цветаева).

⁷В указанных толковых словарях русского языка отсутствует определение сочетания *черная металлургия*. Оно представлено, например, в нелингвистическом терминологическом справочнике: «Черная металлургия – отрасль металлургической науки и техники, охватывающая производство черных металлов от добычи и переработки рудного сырья до получения чугуна, стали, проката, ферросплавов, а также некоторых изделий из чугуна или стали» (Новый политехнический словарь... С. 610).

(47) *Внутри банки ожидаемо была **икра красная**, имитированная. Довольно крупная, равномерная, красивая на вид, но **слишком красная**. Краситель не жалели, но на настоящую икру чисто визуально она похожа довольно слабо. Оригинальный продукт имеет более благородный рыжевато-оранжевый оттенок, **краснота** в икре больше оттеночная, а не такая грубая* (КБ2020).

Например, выражение *жестокий романс* имеет не значение ‘суровый, безжалостный романс’, а значение ‘романс с ярко выраженным мелодраматизмом, надрывностью’ (БТСРЯ). Хотя в узусе деадъектив не выражает такую семантику (*жесткость человека, жестокость схватки*), в индивидуальных употреблениях, причем маркированных самим говорящим, он встречается. В свою очередь, сочетание *святая вода* имеет значение ‘вода, освященная церковью и способная снимать сглаз и другие недуги’ (БТСРЯ), а выражение *святость воды* означает обладание жидкостью сверхъестественной силой, чудодейственными свойствами. Компонент ‘освященная церковью’, как правило, отсутствует в деадъективе даже в тех контекстах, в которых речь идет о церковных обрядах. Так, из пресуппозиции в примере (38) следует, что святость воды не отождествляется с ее освященностью, а освященная вода не всегда обладает качеством святости. Между тем в примерах (39–44) происходит коррелятивная трансформация: *глухая пора* ‘время застоя и упадка’ (БТСРЯ) – *глухость (глухота) поры, луженое горло (глотка)* ‘о способности громко, без усталости кричать, говорить или петь; о способности пить много спиртного’ (БТСРЯ) – *луженость горла (глотки)*, *тонкая усмешка* ‘выражающая иронию, лукавство’ (БТСРЯ) – *тонкость усмешки*. Интерес представляют пары *белое мясо* ‘куриная, индюшачья грудка или телятина’ (БТСРЯ) – *белизна мяса* (45), *черная икра* ‘икра осетровых рыб’ (БТСРЯ) – *чернота икры* ‘черный цвет икры’ (46), *красная икра* ‘икра лососевых рыб (кеты, нельмы и др.)’ (БТСРЯ) – *краснота икры* (47), *зеленый чай* ‘разновидность чая, дающего зеленовато-желтый настой горьковато-вяжущего вкуса’ (БТСРЯ) – **зелень чая*, *черный чай* ‘разновидность чая, дающего темный настой; байховый’ (БТСРЯ) – **чернота чая*. Например, по сравнению с другими видами мяса (красного, темного) белое мясо отличается не буквально белизной, а бледным цветом до и после приготовления.

Ко второму типу относятся выражения, в которых имя прилагательное сохраняет словарное значение, а имя существительное переосмысливается: *белые мухи* ‘кружащийся в воздухе редкий мелкий снег, появляющийся обычно в конце осени в холодную погоду, не остающийся на почве и напоминающий беспорядочно летающих мелких насекомых’ (ФОСРЯ) – **белизна мух* (насекомых), *добрый дядя* ‘человек, щедрый за чужой счет’ (БТСРЯ) – *доброта дяди* (брата отца или матери; знакомого мужчины старше по возрасту) (48), *важная птица* ‘о человеке с точки зрения его общественного значения, положения’ (БТСРЯ) – *важность птицы* (животного с крыльями) (49), *бедный родственник* ‘тот, кому покровительствуют, помогают из милости’ (БТСРЯ) – *бедность родственника* (того, кто находится в родстве) (50). Между тем в паре *запретный плод* ‘недозволенное, запрещенное, но очень привлекательное и желанное’ (БТСРЯ) – *запретность плода* происходит коррелятивная трансформация (51).

(48) *Митя, никогда раньше не задумывавшийся о том, что он был рожден крепостным и если бы не **доброта дяди**-литейщика, то, вероятно, навеки остался б рабом, сейчас болезненно переживал это обстоятельство* (НКРЯ; Форш О. Михайловский замок.1946).

(49) *И, очнувшись от печали, улыбнулся я вначале, / Видя **важность** черной **птицы**, чопорный ее задор, / Я сказал...* (По).

(50) *Даже поглядев на этот импровизированный столик, можно было понять, что мнение моей впечатлительной тетушки о вопиющей **бедности родственников**, как всегда, было крайне преувеличенным* (Серова).

(51) *Не исключено, что в ширящейся популярности М. [Мандельштама] – по роду своей поэтики поэта «для немногих» – играют роль и очевидные внелитературные моменты: **запретность плода**, например (то же относится, конечно, и к менее «трудным» Пастернаку и Цветаевой)...* (Левин).

Наконец, к третьему типу относятся выражения, в которых оба компонента реализуют несловарные значения и смысл целого выражения не складывается из значений составляющих его слов: *узкое место* – *узость места*⁸ (52), *бездонная бочка* – *бездонность бочки* (53–55), *тяжелая артиллерия* – *тяжесть артиллерии* (56), *попутный ветер* – *попутность ветра* (57–58), *мир тесен* – *теснота мира* (59).

(52) *Если бы капитан в достаточной мере учел наличные условия (**узость места**, ветер, течение и балластное состояние судна), то он не стал бы разворачиваться так, как он это сделал* (ПНМ).

⁸Не исключая возможность употребления этого сочетания как идиоматического, важно отметить, что такие контексты не были зафиксированы.

(53) Наступает между тем период, когда Бразилия перестанет воспроизводить достаточное для спроса на зарубежных рынках, прежде всего европейских, количество квалифицированных игроков – при всей кажущейся **бездонности бочки**, из которой талантливые молодые футболисты поступают в клубы любого разряда (БЭ).

(54) Людьми ты, как вином, **бездонность бочки** / Грехов своих цинично заполнял (Эрлих).

(55) [На гербе] сноп связан в виде бочки, отражая легендарность названия – «Винодельненский». <...> Более того, бочка своей **бездонностью** символизирует бездонность, безграничность творческого созидательного потенциала жителей района одновременно являясь и символом удачи (Флаг).

(56) Кроме того, нужно знать, что препарат вымывает из организма калий и кальций. <...> При всей **тяжести артиллерии**, «Медрол» – очень сильный противовоспалительный препарат и во многих случаях, можно сказать, незаменимый (Препарат).

(57) Почаще обращай благодарное внимание на **попутность ветра**. Когда замечаешь, что ветер попутный, крути педали как можно резвее (Леви).

(58) **Попутность** и встречность **ветра** обусловлена-таки вращением земли (НЧЖО).

(59) Неожиданно я вижу знакомую пару из Москвы – Антона и Алену. <...> На четвертый день случайно выяснили, что работали с Антоном в одной и той же конторе почти в одно и то же время. И у нас есть общие знакомые. **Теснота мира** забавляет и пугает одновременно (Бенигсен).

Устойчивое сочетание *узкое место* имеет значение ‘наиболее слабая, уязвимая сторона в каком-либо деле, создающая затруднения, осложнения и т. п.’ (БТСРЯ), а выражение *узость места* означает недостаточную широту места (52). В свою очередь, в парах *бездонная бочка* ‘человек, который может выпить много спиртного (обычно не хмелея); то (тот), что (кто) требует многочисленных капиталовложений, затрат’ (БТСРЯ) – **бездонность бочки** (53–55), *тяжелая артиллерия* ‘человек или группа людей, пользующиеся большим авторитетом и имеющие большую власть и привлекаемые, подобно мощному оружию при проведении военных действий, для достижения определенных целей’ (ФОСРЯ) – **тяжесть артиллерии** (56), *попутный ветер* ‘обстоятельства, помогающие в осуществлении чего-либо’ (ФОСРЯ) – **попутность ветра** (57–58), *мир тесен* ‘о неожиданно обнаружившихся общих знакомых, связях’ (БТСРЯ) – **теснота мира** (59) происходит коррелятивная трансформация. В примере (55) при описании изображения бочки на гербе реализуется прямое значение выражения **бездонность бочки**. Между тем в примере (57) приводится фрагмент из сборника коротких эссе В. Л. Леви, содержащих жизненные советы автора, который для своих обобщений использует зримые образы. В то же время деадъективное выражение **попутность ветра**, как и адъективное устойчивое сочетание *попутный ветер*, может употребляться как свободное (в первичном значении составляющих его лексем) (58).

В результате рассмотрения трансформационного потенциала разных типов фразеологических единиц и сравнения их с терминологическими единицами были сделаны следующие выводы.

Во-первых, один из основных аспектов исследования некоррелятивности фразем, как и терминологических конструкций, заключается в смысловом взаимодействии устойчивых и свободных словосочетаний. В одних случаях утрачивается устойчивость и (или) образность трансформации и он может пониматься только как свободное сочетание, в других случаях демонстрируется чистая синтаксическая деривация, т. е. сохраняется фразеологичность или терминологичность конструкции, а в третьих случаях в зависимости от контекстуальных условий допускаются разные прочтения.

Во-вторых, тем, какие компоненты исходной фразеологической единицы являются носителями образности, во многом задается диапазон семантического варьирования при некоррелятивной трансформации. Если переосмысливается зависимое слово (имя прилагательное), то референциальная соотнесенность исходного и полученного сочетаний выдерживается в рамках одного класса объектов: денотат семантически главного компонента сохраняется практически неизменным, за исключением некоторого сужения или расширения понятий (*белое мясо* – *белизна мяса рыбы*). Смена грамматики конструкции влечет за собой смысловое варьирование в области признака, наблюдающееся, например, по линии детализации (*святая вода* ‘освященная церковью’) или обобщения (*святость воды* ‘обладание жидкостью сверхъестественной силой, чудодейственными свойствами’), актуализации сущностных качеств при условности их номинации (принадлежность объекта к определенному типу: *белый соус*, *белый гриб*, *твердый сыр*) либо ощутимых физических свойств (*белизна соуса*, *белизна гриба*, *твердость сыра*) и др.

Если в исходном сочетании носителем образности выступает семантически главный компонент (имя существительное), то экстенционал грамматически преобразованной конструкции (т. е. соответствующая ей ситуация или объект) представляет собой кардинально иной объект (*доброта дяди*, *бедность родственника* и т. д.) или же объект, в принципе отсутствующий в реальной действительности (выражения **белизна мух*, **жестокость ромansa* не существуют вне специального контекста). Чаще всего транс-

формация некоррелятивных конструкций данного типа приводит к снятию образности сочетания. Однако не исключено, что в деадъективных трансформах контекстуальными средствами может поддерживаться идиоматичность исходной конструкции (например, посредством введения в текст не только деадъективного, но и исходного, идиоматического сочетания и подчеркивания их смысловой связи). В преобразованиях подобного типа иногда встречаются корреляты. Так, в паре *запретный плод – запретность плода* семантическая соотносимость конструкций вызвана, вероятно, широкой распространенностью образа в русской культуре и высокой степенью предсказуемости совместного употребления лексем для выражения данного значения.

В-третьих, поскольку в некоторых преобразованиях переосмысливаются оба компонента, то семантические противоречия не возникают и распад единого смысла сочетания в результате деметафоризации имени прилагательного или имени существительного не происходит. В силу этого данные конструкции часто характеризуются коррелятивной трансформируемостью. Однако недостатком таких трансформов является невозможность выражения с их помощью некоторых метонимических и метафорических значений.

В-четвертых, в разных типах образных трансформов с деадъективом наблюдаются ограничения на выражение метафорических и метонимических значений, присущих исходным сочетаниям. Дело в том, что при трансформации меняется синтаксическая вершина именной группы, и это может нарушать механизм реализации метафорической модели, поскольку преобразование предполагает сопоставление логически несопоставимых объектов действительности. Устойчивое сочетание *бездонная бочка* со значением лица строится по метафорической модели *предмет – человек*. Однако трансформация фразеологизма в деадъективное выражение, построенное по модели **качество – человек*, невозможна (**удивлялся бездонности этой бочки*) (60). То же касается фразеологизма *бесплодная смоковница* со значением ‘человек, деятельность которого не приносит результатов’ (БТСРЯ): выражение **сожалел о бесплодности смоковницы*, в котором под словом *смоковница* подразумевается какое-либо лицо, невозможно (61). Устойчивое сочетание *премудрый пескарь* употребляется в значении ‘трусливый обыватель’ (БТСРЯ), однако недопустимо использовать выражение **сомневался в премудрости этого пескаря* при обозначении конкретного человека (62).

(60) У нее, старухи, здоровый аппетит, который не щадит карманов ее детей, ненасытный – не даром ее называют в сердцах *бездонной бочкой* (НКРЯ; Гельфанд В. Дневники 1944–1946 гг. 1944–1946).

(61) «Дура. *Бесплодная смоковница*, – равнодушно думал Самгин, как бы делая надписи. – Насколько Марина умнее, интереснее ее [Лидии]...» (НКРЯ; Горький М. Жизнь Клима Самгина. Ч. 3. 1928).

(62) Впрочем, не мне тебе говорить, что жизнь *«премудрого пескаря»* не стоит гроша ломаного, какой бы долгой она ни была (НКРЯ; Демидов Г. Письмо В. Т. Шаламову. 1965).

В основе некоторых идиоматических конструкций лежит метонимический перенос *человек (животное) – часть его тела, человек – его интеллектуальный (эмоциональный) жест*: *умная голова* ‘умный, толковый человек’ (БТСРЯ), *ненасытная утроба* ‘такой, которого трудно насытить, накормить; прожорливый’ (БТСРЯ), *живой укор* ‘кто-либо находящийся перед глазами и вызывающий угрызения совести’ (БТСРЯ) (63), *луженая глотка* ‘тот, кто способен громко, без усталости кричать, говорить или петь; тот, кто способен пить много спиртного’ (БТСРЯ) (64), *тяжелая рука* ‘о том, кто сильно и больно бьет; о том, кто приносит неудачу в деле’ (БТСРЯ).

(63) Невозможно сказать: умер Миклош Янчо, ушла эпоха. Эпоха... важной частью которой был режиссер, ушла давным-давно. И он оставался лишь *живым* упреком, *укором* эпохе, пришедшей на смену той, во времена которой он мог творить и даже пользоваться успехом (НКРЯ; Павлов А. Миклош Янчо, режиссер со взглядом. Известия. 2014. Февр.).

(64) – ...Янки – индюки! – хором заканчивают сотни *луженых глоток* (НКРЯ; Браво А. Комендантский час для ласточек. Сибирские огни. 2012).

Интересно, что деадъективы обладают способностью метонимически называть лицо, идентифицировать его по характерному признаку (65–66).

(65) Но к родителям *юность* особо сурова, / Ей совсем не к лицу проявлять *мягкотелость* (Тушнова).

(66) *Безумство* ищет, *глупость* судит (НКРЯ; Тютчев Ф. Не рассуждай, не хлопочи!.. 1850).

Однако при трансформации заложенная в исходную конструкцию метонимическая модель нарушается, а признак, выражаемый теперь посредством деадъектива (*луженость, живость*), видимо, не является идентифицирующим для объекта (как, например, *юность, безумство, глупость*).

В-пятых, к причинам нетрансформируемости (по крайней мере в узусе и вне языковой игры), предполагающей невозможность преобразовать устойчивую конструкцию даже в свободное сочетание, относится несоответствие семантических структур отвлеченного имени существительного и мотивирующего производящего имени прилагательного, а также смысловая несогласованность между деадъективом и субстантивом в рамках свободного сочетания. Как упоминалось, при отсутствии реальной ситуации или объекта (экстенционала) не встречаются сочетания **белизна мух*, **белизна человека* (деадъектив *белизна* предельно сужает комплекс значений мотивирующего имени прилагательного и реализует только значение цвета).

Или если, например, устойчивая конструкция *зеленая улица* 'о свободном пути для любого транспорта; об отсутствии препятствий, задержек для осуществления чего-либо' (БТСРЯ) способна претерпевать некоррелятивную трансформацию (*зелень улицы* 'зеленая растительность на улице'), то выражения *зеленый чай* и *черный чай* нет (выражения **зелень чая*, **чернота чая* невозможны, поскольку цвет жидкости, получаемой при заваривании этих сортов чая, не соответствует прототипическому зеленому и черному цветам). Следует, однако, указать на возможность использования синонимических конструкций для актуализации соответствующего цветового значения (*чай заварился до черноты*), при этом номинации выполняют уже не идентифицирующую (указание на таксон в классификации), а дескриптивную функцию.

Причиной, по которой ответы на многие вопросы еще не найдены, является качество, внутренне присущее фразеологизмам, – их нерегулярность. Созданные вопреки какому-то грамматическому или семантическому правилу, в его нарушение, устойчивые сочетания с трудом вписываются в классификационные клетки исследователя, оставляют многочисленные случаи до конца необъясненными и логически непонятыми.

С точки зрения трансформации область устойчивых сочетаний представляется насквозь континуальной: трансформируемость и нетрансформируемость, коррелятивность и некоррелятивность не разделяются четкой границей в силу постоянной балансировки между узуальными и индивидуально-речевыми, игровыми структурами, потенциальными и уже актуализированными с возникновением коммуникативной потребности единицами, конструкциями, понимаемыми однозначно, и конструкциями, приобретающими семантические приращения в контексте.

В специальной сфере терминологические сочетания значительно реже фиксируют образное переосмысление компонентов, к тому же их употребление во многих случаях обусловлено заданностью термина, который необходимо поместить в определенную актантную позицию предиката. В отличие от терминов образные единицы – это по большей части особый, причем вариативный, способ сказать о мире, поэтому при синтаксической неподатливости фраземы язык (узус) предлагает немало аналогичных способов замены.

В силу потенциальности (а не реальности) и во многих случаях отсутствия языкового прецедента трансформации фраземы говорящий, исходя из собственных коммуникативных задач и языкового чутья, принимает решение в пользу грамматической модификации фразеологизма либо использования синонимического средства. То, что в каждом конкретном случае окажется важнее, представляется сугубо индивидуальным (языковая игра, актуализация связи с устойчивой конструкцией, нетривиальное описание мира или употребление сдержанной, нормативной конструкции, нейтральное выражение данной мысли при необходимости выдвинуть на первый план иную смысловую единицу текста). Прагматика трансформации или отказа от нее, безусловно, является темой отдельной статьи.

- *Акройд П.* Темза. Священная река. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2009. 564 с.; – *Андреев Б. Б.* Эстетический феномен исполнительского мастерства в советском кино: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.04. М., 2004. 43 с.;
– *Баранов А. Н.* Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славян культуры, 2014. 632 с.; – *Бенигсен В.* Закон Шруделя [Электронный ресурс]. URL: http://loveread.me/read_book.php?id=36147&p=51 (дата обращения: 03.08.2022);
– *Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.; – *Бразильская экспансия* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sportsdaily.ru/articles/brazilskaya-ekspansiya-10254> (дата обращения: 10.10.2022);
– *Винные танины – вводный курс для начинающих* [Электронный ресурс]. URL: https://dobro.wine/blog/articles/vinnye_taniny_vvodnyy_ekskurs_dlya_nachinayushchikh/ (дата обращения: 10.10.2022); – *Герменевтика древнерусской литературы* / под ред. М. Ю. Люстрова. М.: Языки слав. культуры, 2004. 912 с.; – *Голубков Д.* Озеро // *Новый мир*. 1978. № 1. С. 48–70;
– *Гончарук А. Ю.* Арт-терапевтические возможности музыкального искусства в реабилитационной деятельности с детьми-инвалидами. М.: Русайнс, 2018. 178 с.; – *Готовим рыбу* [Электронный ресурс]. URL: <https://eda.wikireading.ru/27010> (дата обращения: 07.09.2022); – *Григорян Э. Р.* Доминанты «лишнего человека»: интертекстуальность литературных героев // *Актуал. проблемы лингвистики и литературоведения: сб. материалов VII (XXI) Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (Томск, 16–18 апр. 2020 г.)* / под ред. А. Г. Кожевниковой. Томск: Изд. дом ТГУ, 2020. Вып. 21. С. 294–299; – *Если родители мужа не приняли невестку, брак обречен?* [Электронный ресурс]. URL: <https://>

sovetsk.kidstaff.com.ua/question-1806635-5 (дата обращения: 07.09.2022); – Жизнь с маменькиным сыночком. Форум [Электронный ресурс]. URL: <https://www.b17.ru/forum/topic.php?id=407902> (дата обращения: 07.09.2022); – Жуков М. А. «Коренность» как содержательное понятие нормативных правовых актов // Журнал рос. права. 2009. № 6. С. 123–131; – Иванов В. В. Пасмурный лист. М.: Правда, 1987. 478 с.; – Каким был 2020-й, такие и чудеса [Электронный ресурс]. URL: <https://irecommend.ru/content/kakim-by-2020-yi-takie-i-chudes-a-otbornaya-imitatsiya-ikry-v-banke-s-otvalivayush-chimsya-kl> (дата обращения: 10.10.2022); – Леви В. Л. Коротко о главном. М.: Торобоан, 2010. 480 с.; – Левин Ю. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки рус. культуры, 1998. 824 с.; – Лесин Е. И немедленно выпил. Венедикт Ерофеев и др. [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2010/12/05/232> (дата обращения: 15.08.2022); – Матстера МХАТ. М.: Искусство, 1939. 380 с.; – Математика [Электронный ресурс]. URL: <http://math.hashcode.ru/questions/14261/> (дата обращения: 10.10.2022); – Медведева С. Священник рассказал, что следует знать о крещенской воде [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/01/17/regpfo/nizhegorodskij-sviashchennik-rasskazal-cto-sleduet-znat-o-kreshchenskoj-vode.html> (дата обращения: 10.10.2022); – Миронов В. Г. Булавоусые чешуекрылые (Lepidoptera: Hesperioidea, Papilionoidea) Новгородской области // Эверсманния. Энтомол. исслед. в России и соседних регионах. 2016. № 45–46. С. 34–50; – Откровения. Форум [Электронный ресурс]. URL: <http://forum.moya-semya.ru/index.php?app=forums&module=forums&controller=topic&id=81417&page=24&tab=comments#comment-6510738> (дата обращения: 07.09.2022); – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 19.10.2022); – На что жалуются отдыхающие на Кубе [Электронный ресурс]. URL: https://tonkosti.ru/otzyv/Nytiki-pust-sidat-doma_%E2%80%94ZhurnalNa-cto-zhaluyutsya-otdyhayushchie-na-Kube-glavnye-minusy-strany-265658382 (дата обращения: 07.09.2022); – Осоргин М. Собрание сочинений. Т. 2: Старинные рассказы. М.: Моск. рабочий, 1999. 566 с.; – Посадка на мель (на рифы, на камни) и меры для снятия судна с мели [Электронный ресурс]. URL: <https://flot.com/publications/books/shelf/shipwrecks/11.htm> (дата обращения: 12.10.2022); – Эдгар Алан По. Ворон (перевод М. Зенкевича) [Электронный ресурс]. URL: <http://artsportal.ru/poetry/20714> (дата обращения: 12.10.2022); – Подолкина Е. А., Ханина М. А., Рудак О. Б. и др. Спектрометрическое определение фенольных соединений из травы василька синего // Химия раст. сырья. 2019. № 3. С. 145–152; – Патентный поиск в РФ. Имитатор визуальной обстановки авиационного тренажера [Электронный ресурс]. URL: <https://www.freepatent.ru/patents/2230370> (дата обращения: 10.10.2022); – Препарат Pfizer «Медрол» [Электронный ресурс]. URL: https://otzovik.com/review_13396582.html (дата обращения: 07.09.2022); – Приключения. Форум [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prikl.org/forum/text/index.php/t6032-150.html>; <http://www.prikl.org/forum/index.php?showtopic=4022&st=all> (дата обращения: 08.09.2022); – Почему 2020 год такой сложный, или Разбор мифа про высокосность [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/media/territoria/pochemu-2020-god-takoi-slojnyi-ili-razbor-mifa-pro-visokosnost-5f985e9fd203541abd8d0f6c> (дата обращения: 10.10.2022); – Ромовая баба (baba au rhum) [Электронный ресурс]. URL: <http://hulinar.ru/2014/06/16/ромовая-баба-baba-au-rhum/> (дата обращения: 08.09.2022); – Серова М. Попытка не пытка. М.: Эксмо-пресс, 2008. 288 с.; – Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой // Ежегод. Рукопис. отд. Пушкин. дома на 1998–1999 г. / под ред. Т. Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 224–271; – Веретенников Б. М., Мохрачева Л. П., Соболев А. Б., Ходак Г. Л. Студенческие олимпиады по математике УГТУ-УПИ им. Б. Н. Ельцина. М.: Физматлит, 2009. 256 с.; – Семь стран глазами простого туриста. Венгрия [Электронный ресурс]. URL: <https://album.turizm.ru/story/241480-sem-stran-glazami-prostogo-turista-vengriya/> (дата обращения: 08.09.2022); – Тушинова В. Память сердца. М.: Сов. писатель, 1958. 147 с.; – Интенсив. Учитесь быстрее. Как определить, правильный это глагол или неправильный? [Электронный ресурс]. URL: <https://intensiv.ru/blog/ak-opredelit-pravilnyj-jeto-glagol-ili-nepravilnyj/> (дата обращения: 10.10.2022); – Фатеева Н. А. Поэзия как филологический дискурс. М.: Языки слав. культуры, 2017. 360 с.; – Федосеев Н. Г. Категория «личности» в творчестве А. П. Чехова: к вопросу о типологии героев в русской литературе // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Серия 9, Филология, востоковедение, журналистика. 2009. Вып. 1, ч. 2. С. 31–40; – Флаг Ипатовского городского округа [Электронный ресурс]. URL: <https://geraldika.ru/s/37930> (дата обращения: 10.10.2022); – Фразеологический объяснительный словарь русского языка / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Эксмо, 2009. 704 с.; – Хоссейни А., Мехраби К. Сопоставление категории залога в русском и персидском языках // Pazhuhesh-e Zabanha-ye Khareji. 2007. № 35. С. 31–49; – Цветаева А. Из прошлого // Новый мир. 1966. № 1. С. 39–133; – Черно-ва Е. В. Русский бытовой роман в ранней лирике С. А. Есенина // Вестн. Воронежск. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2013. № 1. С. 103–109; – Чупина И. П. Концептуальные основания категоризации фрагментов действительности соматическими фразовыми глаголами // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. 2011. № 2. С. 55–61; – Шарафадина К. И. Обновление традиций флоропэтики в лирике А. Фета // Рус. лит. 2005. № 2. С. 18–54; – Шишкин Е. Правда и блаженство. Минск: Харвест, 2017. 639 с.; – Шумилова Т. Лунные прописи: книга избранных стихотворений [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.by/books?id=Mz4REAAAQBAJ&pg=PT125&lpg=PT125&dq=#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 08.09.2022); – Энциклопедия государственного управления в России / под ред. В. К. Егорова. М.: РАГС, 2008. Т. 2. 520 с.; – Эрлих А. Сказание о Прометее. Комедия [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2017/12/20/4433> (дата обращения: 10.10.2022).

1. Чернейко ЛО. *Лингво-философский анализ абстрактного имени*. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 1997. 320 с.
2. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. В: Звегинцев ВА, редактор. *Очерки по лингвистике*. Москва: Издательство иностранной литературы; 1962. с. 57–70.
3. Адамец П. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных. *Филологические науки*. 1973;4:40–47.
4. Всеволодова МВ. *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка*. Москва: УРСС; 2017. 656 с.
5. Золотова ГА. О синтаксических свойствах имен качества. В: Золотова ГА, редактор. *Синтаксис и стилистика*. Москва: Наука; 1976. с. 130–161.
6. Кубрякова ЕС. *Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва: Языки славянских культур; 2004. 560 с.

7. Падучева ЕВ. Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте. В: Падучева ЕВ, редактор. *Статьи разных лет*. Москва: Языки славянских культур; 2009. с. 317–337.
8. Падучева ЕВ. Об атрибутивном стяжении подчиненной предикации в русском языке. В: Падучева ЕВ, редактор. *Статьи разных лет*. Москва: Языки славянских культур; 2009. с. 145–172.
9. Пазельская АГ. *Наследование глагольных категорий именами ситуаций* [диссертация]. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 2006. 216 с.
10. Пазельская АГ. Образование отглагольных существительных и актантные преобразования в РЯ. В: Бондарко АВ, Кустова ГИ, Розина РИ, редакторы. *Динамические модели. Слово. Предложение*. Москва: Языки славянских культур; 2008. с. 634–645.
11. Пазельская АГ, Татевосов СГ. Отглагольное имя и структура русского глагола. В: Плунгян ВА, Татевосов СГ, редакторы. *Исследования по глагольной деривации*. Москва: Языки славянских культур; 2008. с. 348–376.
12. Розина РИ. Номинализации в разговорной речи. В: Кибрик АА, редактор. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Выпуск 7(14). Материалы ежегодной международной конференции «Диалог»; 4–8 июня 2008 г.; Бекасово, Россия*. Москва: Институт проблем информатики Российской академии наук; 2008. с. 449–452.
13. Жуков ВП. Формоизменение фразеологизмов русского языка. *Русистика*. 1991;2:36–40.
14. Баранов АН, Добровольский ДО. *Аспекты теории фразеологии*. Москва: Знак; 2008. 656 с.
15. Богданов СИ, Евтюхин ВБ, Князев ЮП, Смирнов ЮБ, Рыжова (Меньшикова) ЮВ, Воейкова МД. *Морфология современного русского языка*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2009. 634 с.
16. Шведова НЮ, редактор. *Русская грамматика. Том 1*. Москва: Наука; 1980. 783 с.
17. Ташлыкова МБ. *Семантические этюды о «синтаксической деривации»*. Иркутск: Иркутский государственный университет; 2013. 277 с.
18. Поляничко ЯВ. Национальная специфика семантики прилагательного (на примере лексемы «легкий»). В: Стернин ИА, редактор. *Семантико-когнитивные исследования. Выпуск 9*. Воронеж: Ритм; 2018. с. 14–18.

1. Cherneiko LO. *Lingvo-filosofskii analiz abstraktnogo imeni* [Linguo-philosophical analysis of an abstract name]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 1997. 320 p. Russian.
2. Kurilovich E. [Lexical derivation and syntactic derivation]. In: Zvegintsev VA, editor. *Ocherki po lingvistike* [Essays in linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury; 1962. p. 57–70. Russian.
3. Adamets P. [About the semantic-syntactic functions of deverbative and deadjective nouns]. *Filologicheskie nauki*. 1973;4: 40–47. Russian.
4. Vsevolodova MV. *Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa: fragment prikladnoi (pedagogicheskoi) modeli yazyka* [The theory of functional-communicative syntax: a fragment of the applied (pedagogical) language model]. Moscow: URSS; 2017. 656 p. Russian.
5. Zolotova GA. [About the syntactic properties of quality nouns]. In: Zolotova GA, editor. *Sintaksis i stilistika* [Syntax and stylistics]. Moscow: Nauka; 1976. p. 130–161. Russian.
6. Kubryakova ES. *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: on the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2004. 560 p. Russian.
7. Paducheva EV. [Predicate nouns in the lexicographic aspect]. In: Paducheva EV, editor. *Stat'i raznykh let* [Articles from different years]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2009. p. 317–337. Russian.
8. Paducheva EV. [About attributive contraction of subordinate predication in Russian]. In: Paducheva EV, editor. *Stat'i raznykh let* [Articles from different years]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2009. p. 145–172. Russian.
9. Pazel'skaya AG. *Nasledovanie glagol'nykh kategorii imenami situatsii* [Inheritance of verb categories of names] [dissertation]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2006. 216 p. Russian.
10. Pazel'skaya AG. [Formation of verbal nouns and actant transformations in Russian]. In: Bondarko AV, Kustova GI, Rozina RI, editors. *Dinamicheskie modeli. Slovo. Predlozhenie* [Dynamic models. Word. Sentence]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2008. p. 634–645. Russian.
11. Pazel'skaya AG, Tatevosov SG. [Verbal name and structure of the Russian verb]. In: Plungyan VA, Tatevosov SG, editors. *Issledovaniya po glagol'noi derivatsii* [Research on verb derivation]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2008. p. 348–376. Russian.
12. Rozina RI. [Nominalisations in colloquial speech]. In: Kibrik AA, editor. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Выпуск 7(14). Материалы ежегодной Международной конференции «Диалог»; 4–8 июня 2008 г.; Бекасово, Россия* [Computational linguistics and intelligent technologies. Issue 7(14). Proceedings of the annual International conference «Dialogue»; 2008 June 4–8; Bekasovo, Russia]. Moscow: The Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences; 2008. p. 449–452. Russian.
13. Zhukov VP. [Form change of phraseological units of the Russian language]. *Rusistika*. 1991;2:36–40. Russian.
14. Baranov AN, Dobovol'skii DO. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow: Знак; 2008. 656 p. Russian.
15. Bogdanov SI, Evtyukhin VB, Knyazev YuP, Smirnov YuB, Ryzhova (Men'shikova) YuV, Voeikova MD. *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Morphology of the modern Russian language]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2009. 634 p. Russian.
16. Shvedova NYu, editor. *Russkaya grammatika. Tom 1* [Russian grammar. Volume 1]. Moscow: Nauka; 1980. 783 p. Russian.
17. Tashlykova MB. *Semanticheskie etyudy o «sintaksicheskoi derivatsii»* [Semantic studies on «syntactic derivation»]. Irkutsk: Irkutsk State University; 2013. 277 p. Russian.
18. Polyanchko YaV. [National specificity of the semantics of the adjective (on the example of the lexeme «legkii»)]. In: Sternin IA, editor. *Semantiko-kognitivnye issledovaniya. Выпуск 9* [Semantic-cognitive research. Issue 9]. Voronezh: Ritm; 2018. p. 14–18. Russian.

*Статья поступила в редколлегию 13.11.2022.
Received by editorial board 13.11.2022.*